

Вячеславу Ивановичу
Иванову

в знак глубокого уважения к его прозаическому
творчеству

РОМАНТИЧЕСКІЕ ЦВѢТЫ

Н. Гущиловъ

РОМАНТИЧЕСКІЕ ЦВѢТЫ

СТИХИ

Парижъ 1908 г.

Посвящается
Синю Андреевичу
Теренку.

Юный магъ въ пурпуровомъ хитонѣ
Говорилъ нездѣшныя слова,
Передъ ней, царицей беззакони
Расточалъ рубины волшебства.

Ароматъ сжигаемыхъ растений
Открывалъ пространства безъ границъ,
Гдѣ носились сумрачныя тѣни,
То на рыбъ похожи, то на птицъ.

Плакали невидимыя струны,
Огненные плавали столбы,
Гордые военные трибуны
Опускали взоры, какъ рабы.

А царица, наклоняясь съ ложа,
Радостно играла крутизной
И ея атласистая кожа
Опьяняла снѣжной бѣлизной.

Задыхаясь въ несказанномъ блудѣ,
Юный магъ забылъ про все вокругъ,
Онъ смотрѣлъ на маленькія груди,
На браслеты вытянутыхъ рукъ.

Юный магъ въ пурпуровомъ хитонѣ
Говорилъ, какъ мертвый, не дыша,
Отдалъ все царицѣ беззаконій,
Чѣмъ была жива его душа.

А когда на изумрудахъ Нила
Мѣсяцъ закачался и поблѣкъ,
Блѣдная царица уронила
Для него алѣющій цвѣтокъ.

Надъ тростникомъ медлительнаго Нила,
Гдѣ носятся лишь бабочки, да птицы,
Скрывается забытая могила
Преступной, но плѣнительной царшцы.

Ночная мгла несетъ свои обманы,
Встаетъ луна какъ грѣшная сирена,
Вѣдутъ блѣсоватые туманы
И изъ пещеры крадется гена.

Ея стѣнаныя уростны и грубы,
Ея глаза злобѣщи и унылы,
И страшны угрожающіе зубы
На розоватомъ мраморѣ могилы.

« Смотри луна, влюбленная въ безумныхъ,
Смотрите звѣзды, стройныя видѣнья,
И темный Ниль, владыка водъ безшумныхъ,
И бабочки, и птицы и растенья.

Смотрите всѣ, какъ шерсть моя дыбится,
Какъ блещуть взоры злыми огоньками,
Неправда-ль, я такая же царица,
Какъ та, что спитъ подъ этими камнями ?

Ея глаза свѣтились измѣной,
Носили смерть изогнутыя брови,
Она была такою же гіеной,
Она, какъ я, любила запахъ крови ».

По деревнямъ собаки воютъ въ страхѣ,
Въ домахъ рыдаютъ маленькіе дѣти,
И хмурые хватаются феллахи
За длинныя безжалостныя плети.

Что ты видишь во взорѣ моемъ,
Въ этомъ блѣдно-мерцающемъ взорѣ?
— И въ немъ вижу глубокое море
Съ потонувшимъ большимъ кораблемъ.

Тотъ корабль... величавѣй. смѣлѣе
Не видали надъ бездной морской.
Колебались высокия рен,
Трепетала вода за кормой.

И летучія странныя рыбы
Покидали подводный предѣлъ.
И бросали на воздухъ изгибы
Изумрудно-блистающихъ тѣлъ.

Ты стояла на дальнемъ утесѣ,
Ты смотрѣла, звала и ждала,
Ты въ послѣднемъ веселомъ матросѣ
Огневое стремленье зажгла.

И никто никогда не узнаетъ
О безумной, предсмертной борьбѣ
И о томъ гдѣ теперь отдыхаетъ
Тотъ корабль, что стремился къ тебѣ.

И зачѣмъ эти тонкія руки
Жемчугами прорѣзали тьму,
Точно ласточки съ пѣсней разлуки,
Точно сны улетающія къ нему.

Только тотъ, кто съ тобою, царица,
Только тотъ вспоминаетъ о немъ,
И его голубая гробница
Въ затуманенномъ взорѣ твоемъ.

Тамъ, гдѣ похороненъ старый магъ,
Гдѣ пробита въ мраморѣ пещера,
Мы услышимъ робкій, тайный шагъ,
Мы съ тобой увидимъ Люцифера.

Подожди, погаснетъ скучный день,
Въ мірѣ будетъ тихо какъ въ храмѣ,
Люциферъ прокрадется какъ тѣнь
Съ тихими вечерними тѣнями.

Скрытые, незримые для всѣхъ,
Сохранимъ мы нѣжное молчанье,
Будемъ слушать серебристый смѣхъ
И безсильно-горькое рыданье.

Синій блескъ намъ взоръ заморозитъ,
Фея Мабъ свои расскажетъ сказки,
И спугнетъ, блуждая, Вѣчный Жидъ
Бабочекъ оранжевой окраски.

Но когда воздушный, лунный знакъ
Поблѣднѣетъ, шествуя къ паденью,
Снова станетъ трупомъ старый магъ,
Люциферъ—блуждающею тѣнью.

Фея Мабъ на лунномъ лепесткѣ
Улетитъ къ далекому чертогу,
И угрюмо посохъ сжавъ въ рукѣ,
Вѣчный Жидъ пойдетъ въ свою дорогу.

И взойдя на плиты алтаря,
Мы заглянемъ въ уакое оконце,
Чтобы встрѣтить пѣснею царя —
Золотисто-огненное солнце.

Мой старый другъ, мой вѣрный Дьяволъ
Проглянь мнѣ пѣсенку одну:
— Всю ночь морякъ въ пучинѣ плавалъ,
А на зарѣ пошелъ ко дну.

Кругомъ вставали волны-стѣны,
Спадали, всгѣнчивались вновь,
Предъ нимъ неслась бѣлѣе пѣны
Его великая любовь.

Онъ слышалъ зовъ, когда онъ плавалъ,
« О вѣрь мнѣ, я не обману... »
Но помни, — молвилъ умный дьяволъ, —
Онъ на зарѣ пошелъ ко дну.

За покинутымъ бѣднымъ жилищемъ,
Гдѣ чернѣютъ остатки забора,
Старый воронъ съ оборваннымъ нищимъ
О восторгахъ вели разговоры.

Старый воронъ въ тревогѣ воеданней
Говорилъ, трепеща отъ волненья,
Что ему на развалинахъ башни
Небывалыя снились видѣнья.

Что въ полетѣ воздушномъ и смѣломъ
Онъ не помнилъ тоски ихъ жилища
И былъ лебедемъ нѣжнымъ и бѣлымъ,
Принцемъ былъ отвратительный нищій.

Нищій плакалъ безсильно и глухо,
Ночь тяжелая съ неба спустилась,
Проходившая мимо старуха
Учащенно и робко крестилась.

Императоръ Каракалла

I.

Призракъ какой-то невѣдомой силы,
Ты ѣ, указавшій законы судьбѣ,
Ты ль, императоръ во мракѣ могилы,
Хочешь, чтобъ я говорилъ о тебѣ.

Горе мнѣ! Я не трибунъ, не сенаторъ,
Я только бѣдный бродячій пѣвецъ,
И для чего, для чего, императоръ,
Ты на меня, возлагаешь вѣнецъ.

Заперты мнѣ всѣ богатяя двери
И мои бѣдныя сказки-стихи—
Слушаютъ только бездомные звѣри,
Да на высокихъ горахъ пастухи.

Старый хитонъ мой изодранъ и черенъ,
Очи не зорки и голосъ мой слабъ,
Но ты сказалъ и я буду покоренъ,
О императоръ, я вѣрный твой рабъ.

II.

Императоръ съ прощлемъ орлинымъ,
Съ черною, курчавой бородой,
О какимъ бы былъ ты властелиномъ,
Если-бъ не былъ ты самимъ собой.

Любопытно - вдумчивая нѣжность
Словно тѣнь на царственныхъ устахъ,
Но какая дикая мятежность
Затаилась въ сдвинутыхъ бровяхъ.

Образы властительные Рима,
Цезарь, Юлій Августъ и Помпей —
Это тѣнь, блѣдна и еле зрима,
Передъ тихой тайною твоей.

Конченъ рядъ желѣзныхъ сновидѣній,
Тихи гробы сумрачныхъ отцовъ,
И ласкаетъ быстрый Тибръ ступени
Гордо-разовѣющихъ дворцовъ.

Жадность сновъ въ тебѣ неутолима:
Ты бы могъ раскинуть ратный станъ,
Бросить пламя въ храмъ Іерусалима,
Укротить бунтующихъ парянь.

Но къ чему побѣды въ часъ вечерній,
Если тѣни упадаютъ ницъ,
Если точно золото на черни
Видны ноги стройныхъ танцовщицъ?

Страстная, какъ юная тигрица,
Нѣжная, какъ лебедь сонныхъ водъ,
Въ темной спальнѣ ждетъ императрица,
Ждетъ, дрожа, того, кто не придетъ.

Тамъ, въ твоихъ садахъ безгрѣшность неба,
Звѣзды разбросались, какъ въ бреду,
Тамъ быть можетъ ты увидѣлъ Феба,
Трепетно бродящаго въ саду.

Какъ и ты, стрѣлою сновъ пронзенный,
Съ любопытнымъ взоромъ онъ застылъ,
Тамъ, гдѣ дремлетъ съ Нила привезенный,
Темно-изумрудный крокодилъ.

Словно прихотливыя камен.
Тихіе, пустынные сады,
Съ темныхъ пальмъ въ траву свисаютъ змѣи,
Зрѣютъ небывалые плоды.

Безпокоенъ смутный сонъ растеній,
Плаваютъ туманы, точно сны,
Въ нихъ ночныя бабочки, какъ тѣни,
Съ крыльями жемчужной бѣлизны.

И великой мукою вселенной
На минуту грудь свою омывъ,
Ты стоишь божественно-надменный,
Императоръ, ты тогда счастливъ.

А потомъ въ твоёмъ зеленомъ храмѣ,
Медленно какъ слѣдуетъ царю,
Ты красиво-мѣрными стихами
Вызываешь новую зарю.

III.

Мореплаватель Павзаній
Съ береговъ далекихъ Шиша
Въ Римъ привезъ и шкуры ланей,
И египетскія ткани,
И большого крокодила.

Это было въ дни безумныхъ
Извращеній Карагаллы,
Богъ веселыхъ и бездумныхъ
Изукрасилъ цѣпью шумныхъ
Толпъ причудливья скалы.

Въ золотомъ, невинномъ горѣ
Солнце въ море уходило
И въ пурпуровомъ уборѣ
Императоръ вышелъ въ море,
Чтобы встрѣтить крокодила.

Суетились у галеры
Бородатые скитальцы,
И изящныя гетеры
Поднимали въ честь Венеры
Точно мраморные пальцы.

И какой то сказкой чудной,
Нарушителемъ гармоній,
Крокодилъ сверкалъ у судна
Чешуею изумрудной
На серебрянномъ понтонѣ.

Ахиллъ и Одиссей

Одиссей.

Братъ мой, я вижу глаза твои тусклые,
Вмѣсто доспѣховъ мѣха леопарда
Съ нѣгой обвини могучіе мускулы,
Чувствую запахъ не крови, а нарда.

Сладкими винами кубокъ твой полнится,
Тщетно вождя ожидаютъ въ отрядѣ,
И завиваетъ, какъ дѣвѣ, невольница
Черныхъ кудрей твоихъ длинныя пряди.

Ты отдыхаешь подъ свѣтлыми кущами,
Сердце безгнѣвно и взоръ твой лилѣенъ,
Въ часъ, когда дебри покрыты бѣгущими,
Поле—гѣлами убитыхъ ахеянъ.

Каждое утро страданія новыя...
Вотъ, я раскрылъ предъ тобою одежды,
Видишь, какъ кровь убѣгаетъ багровая,
Это не кровь, это наши надежды:

АХИЛЛЪ.

Брось, Одисей, эти стоны притворные,
Красная кровь васъ съ землей не разлучить,
А у меня она страшная, черная,
Въ сердцѣ скопилась и давить и мучить.

Любовникамъ

Печаль ихъ душъ родилась возлѣ моря,
Въ священныхъ рощахъ дѣвственныхъ
наядъ,
Чьи пѣсни вѣчно радостно звучать,
Съ напѣвомъ струнь, съ игрою вѣтра
своя.

Великій жрецъ... страннѣе и суровѣй
Едва-ль была людская красота,
Спокойный взглядъ, сомкнутыя уста,
И на кудряхъ повязка цвѣта крови.

Когда вставалъ туманъ надъ водной степью,
Великій жрецъ творилъ святой обрядъ,
И танцы гибкихъ, трепетныхъ наядъ
По берегу вились жемчужной цѣпью.

Изъ всѣхъ одной, плѣнительнѣй чѣмъ
сказка,
Великій жрецъ оказывалъ почетъ,
Онъ позабылъ, что красота влечетъ,
Что ошьяняетъ красная повязка.

И звѣзды предразсвѣтныя мерцали,
Когда забылъ великій жрецъ обѣтъ,
Ея уста не говорили « нѣтъ »,
Ея глаза ему не отказали.

И преданы клеймящему злословью,
Они ушли изъ тѣмы священныхъ рощъ,
Туда, гдѣ ихъ сердецъ изчезла мощь,
Гдѣ ихъ сердца живутъ одной любовью.

Помпей у пиратовъ

Отъ кормы, изукрашенной краснымъ,
Дорогіе плывутъ ароматы
Въ трюмъ, гдѣ скрылись въ волненьи
 опасномъ,
Съ угрожающимъ видомъ пираты.

Съ затаенною злобой боязни
Говорять, то храбрясь, то блѣднѣя,
И въ полголоса требуютъ казни,
Головы молодого Помпея.

Сколько дней они служатъ рабами,
То покорно, то съ гнѣвомъ наираснымъ,
И не смѣютъ бродить подъ шатрами,
На кормѣ изукрашенной краснымъ

Слышенъ зовъ, это голосъ Помпея,
Окруженнаго стаей голубокъ.
Онъ кричитъ: «эй собаки, живѣе,
Гдѣ вино, высыхаетъ мой кубокъ.»

И надъ моремъ сѣдымъ и пустыннымъ
Приподнявшись лѣниво на локтѣ,
Посыпаетъ толченнымъ рубиномъ
Розоватые, длинные ногти ?

И, оставивъ мечтанья о мести,
Умолкають смущенно пираты
И несутъ, раболѣпные, вмѣстѣ
И вино, и цвѣты, и гранаты.

Улыбнулась и вздохнула,
Догадавшись о покоѣ,
И послѣдній разъ взглянула
На ковры и на обои.

Красный шарикъ уронила
На вино въ узорный кубокъ
И капризно помочила
Въ немъ кораллы и жемчужныхъ губокъ.

И живая тѣнь румянца
Замѣнилась тѣнью бѣлой,
И какъ въ странной позѣ танца,
Искривясь, поникло тѣло.

И чужіе міру звуки
Издалека набѣгаютъ,
И незримый бисеръ руки,
Задрожавъ, перебираютъ.

На коррѣ она трепещеть,
Точно бѣлая голубка,
А отравленная блещеть
Золотая влага кубка.

Влюбленная въ Дьявола

Кто былъ блѣдный и красивый рыцарь,
Что проѣхалъ на черномъ конѣ,
И какая сказочная птица
Кружилась надъ нимъ въ вышинѣ ?

И какой печальный взглядъ онъ бросилъ
На мое цвѣтное окно,
И зачѣмъ мнѣ сдѣлался несносенъ
Міръ родной и знакомый давно ?

И зачѣмъ мой старшій братъ въ испугѣ,
При дрожащемъ мерцаньи свѣчи
Вынималъ изъ погребовъ кольчуги
И нагачивалъ копьѣя и мечи ?

И зачѣмъ сегодня въ капеллѣ
Всѣ сходились, читали псалмы,
И монахи угрюмые пѣли
Заклинанья противъ мрака и тьмы ?

И спускался сумрачный астрологъ
Съ заклинательной башни въ домъ,
И зачѣмъ былъ такъ странно домогъ?
Вго споръ съ моимъ старымъ отцомъ.

Я не знаю, ничего не знаю,
Я еще такъ молода,
Но я все же плачу, и рыдаю,
И мечтаю всегда.

Смерти

Нежной, блѣдной, въ пепельной одеждѣ
Ты явилась съ ласкою очей,
Не такой тебя встрѣчалъ я прежде
Въ трубномъ воѣ, въ бѣшенствѣ мечей.

Ты казалась золотисто-пьяной,
Обнаживъ сверкающую грудь,
Ты среди кроваваго тумана
Къ небесамъ прорѣзывала путь.

Какъ у вѣчно-жаждущей Астреи
Твои очи были глубоки,
И неслась по жиламъ кровь быстрое,
И крѣпчали мускулы руки.

Но тебя, хоть ты теперь иная,
Я мечтою прежней узнаю,
Ты меня манила пѣсней райа
И съ тобой мы встрѣтимся въ раю.

Измѣна

Странный сонъ увидѣлъ я сегодня:
Снилось мнѣ, что я сверкалъ на небѣ,
Но что жизнь, чудовищная сводня,
Выкинула мнѣ недобрый жребій.

Превращень внезапно въ ягуара,
Я сгоралъ отъ бѣшенныхъ желаній,
Въ сердцѣ пламя жгучаго пожара,
Въ мускулахъ—безумье содроганій.

И къ людскому крался я жилищу
По пустому сумрачному полю,
Добывать полуночную пищу,
Богомъ мнѣ назначенную долю.

И нежданно въ темномъ перелѣскѣ
Я увидѣлъ стройный образъ дѣвы
И запомнилъ яркія подвѣски,
Поступь лани, взоры королевы.

«Призракъ Счастья, Бѣлая Невѣста...»

Думалъ я дрожащій и смущенный,
А она промолвила: «нѣ съ мѣста!»
И смотрѣла тихо и влюбленно.

Я молчалъ, ея покорный кличу,
Я лежалъ, ея окованъ знакомъ,
И достался, какъ шакалъ, въ добычу
Набѣжавшимъ яростнымъ собакамъ.

А она прошла за перелѣскомъ
Тихими и легкими шагами,
Лунный лучъ кружился по подвѣскамъ,
Звѣзды говорили съ жемчугами.

Подъ землей есть тайная пещера,
Тамъ стоять высокія гробницы,
Огненныя грезы Люцифера,
Тамъ блуждаютъ стройныя блудницы.

Ты умрешь безславно, или со славой,
Но прійдетъ и властно взглянетъ въ очи
Смерть, старикъ угрюмый и костлявый,
Нудный и медлительный рабочій.

Понесетъ тебя по коридорамъ,
Понесетъ отъ башни и до башни,
Со стекляннымъ выпученнымъ взоромъ,
Ты поймешь, что это сонъ всегдашній.

И когда, упавъ въ твою гробницу,
Ты загрешишь о небесномъ храмѣ,
Ты увидишь надъ собою блудницу
Съ острыми, жемчужными зубами.

Сладко будетъ ей къ тебѣ приникнуть,
Цѣловать со злобой безконечной,
Ты не сможешь двинуться и крикнуть...
Это все. И это будетъ вѣчно.

Я долго шелъ по коридорамъ,
Кругомъ, какъ врагъ, таилась тишь.
На пришлеца враждебнымъ вьюромъ
Смотрѣли статуи изъ нишъ.

Въ угрюмомъ снѣ застыли вещи,
Былъ страненъ сѣрый полумракъ,
И точно маятникъ зловѣщій,
Звучалъ мой одинокій шагъ.

И тамъ, гдѣ гуще сумракъ хмурый,
Мой взоръ горящій былъ смущенъ
Едва замѣтною фигурой
Въ тѣни столпившихся колоннъ.

Я подошелъ, и вотъ мгновенный
Какъ звѣрь, въ меня вцѣпился страхъ,
Я встрѣтилъ голову гіены
На стройныхъ дѣвичьихъ плечахъ.

На острой мордѣ кровь налипла,
Глаза зіяли пустотой,
И мерзко крался шепотъ хриплый:
«Ты самъ пришелъ сюда, ты мой!»

Мгновенья страшныя бѣжали,
И набѣгала полумгла.
И блѣдный ужась повторяли
Безчисленныя зеркала.

Царица, иль можетъ быть только печальный
ребенокъ,
Она наклонялась надъ сонно-вздыхающимъ
моремъ,
И станъ ея стройный и гибкій казался такъ тонокъ
Онъ тайно стремился навстрѣчу серебрянымъ
зорямъ.

Сбѣгающій сумракъ. Какая то крикнула птица,
И вотъ передъ ней замелькали навлагѣ дельфины,
Чтобъ плыть къ бирюзовымъ владѣньямъ
влюбленнаго принца,
Они предлагали свои изумрудныя сны.

Но голосъ хрустальный казался особенно
звонокъ
Когда онъ упрямо сказалъ роковое «не надо...»
Царица, иль можетъ быть только капризный
ребенокъ,
Усталый ребенокъ съ безсильною мукою взгляда.

Въ темныхъ покрывалахъ лѣтней ночи
Заблудилась юная принцесса,
Плачущей нашель ея рабочій,
Что работалъ въ самой чащѣ лѣса.

Онъ отвелъ ея въ свою избушку,
Угостилъ лепешкой съ горькимъ саломъ,
Подложилъ подъ голову подушку
И закуталъ ноги одѣяломъ.

Самъ заснулъ въ углу далекомъ сладко,
Стало тихо тишиной видѣнья,
Красноватымъ пламенемъ лампадка
Освѣщала только часть строенья.

Что тамъ? Или это только тряпки,
Жалкіе, ненужные отбросы,
Кроличьи засушенные лапки,
Брошенные на полъ папиросы?

Почему же ей ся томленье
Кажется мучительно знакомо.
И ей шепчуть грязныя полѣнья,
Что она теперь лишь вправду дома.

... Раннимъ утромъ заспанный рабочій
Проводилъ принцессу до опушки...
Но не разъ потомъ, въ глухія ночи,
Проливались слезы объ избушкѣ

Приближается къ Каиру судно
Съ длинными знаменами Пророка,
По матросамъ угадать не трудно,
Что они съ востока.

Капитанъ кричитъ и суетится,
Слышенъ голосъ гортанный и рѣзкій,
На снастяхъ видны смуглыя лица
И мелькаютъ красныя фески.

На пристани толпятся дѣти,
Забавны ихъ тонкія гѣльца,
Они сошлись еще на разсвѣтѣ
Посмотрѣть, гдѣ стануть пришельцы.

Аисты сидятъ на крышѣ
И вытягиваютъ шею,
Они всѣхъ выше
И имъ виднѣе.

**Листы — воздушные маги,
Имъ многое ясно и понятно,
Почему у одного бродяги
На щекахъ багровыя пятна.**

**Листы кричатъ надъ домами,
Но никто не слышитъ ихъ разказа,
Что вмѣстѣ съ духами и шелками
Пробирается въ городъ зараза.**

Сады моей души всегда узорны,
Въ нихъ вѣтры такъ свѣжи и тиховѣйны,
Въ нихъ золотой песокъ и мраморъ черный,
Глубокіе, прозрачныя бассейны.

Растенья въ нихъ, какъ сны, необычайны,
Какъ воды утромъ розовѣютъ птицы,
И кто пойметъ намекъ старинной тайны,
Въ нихъ дѣвушка въ вѣнкѣ великой жрицы.

Глаза, какъ отблескъ чистой сѣрой стали, *
Изящный лобъ, бѣлѣй восточныхъ лилій,
Уста, что никого не цѣловали,
И никогда ни съ кѣмъ не говорили.

И щеки, розоватый жемчугъ юга,
Сокровище немислимыхъ фантазій,
И руки, что ласкали лишь другъ друга,
Сплетаясь въ молитвенномъ экстазѣ.

У ногъ ея двѣ черныя пантеры
Съ отливомъ змѣиными на шкурѣ,
Взлетѣвъ отъ розъ таинственной пещеры,
Бя фламинго плаваетъ въ лазури.

Я не смотрю на мѣръ бѣгущихъ линій,
Мои мечты лишь вѣчному покорны,
Пускай сирокко бѣсится въ пустынь,
Сады моей души всегда узорны.

Озеро*Чадъ

Г.

Сегодня, я вижу, особенно грустенъ твой взглядъ
И руки особенно тонки, колѣни обнявъ,
Послушай: далеко, далеко, на озерѣ Чадъ
Изысканный бродитъ жирафъ.

Ему граціозная стройность и нѣга дана,
И шкуру его украшаетъ волшебный узоръ,
Съ которымъ равняться осмѣлится только луна,
Дробясь и качаясь на влагѣ широкихъ озеръ.

Вдали онъ подобенъ цвѣтнымъ парусамъ корабля,
И бѣгъ его плавленъ, какъ радостный птичій полетъ,
Я знаю, что много чудеснаго видитъ земля,
Когда на закатѣ онъ прячется въ мраморный
гротъ.

Я знаю веселыя сказки таинственныхъ странъ
Про черную дѣву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишкомъ долго вдыхала тяжелый туманъ,
Ты вѣрить не хочешь во что нибудь, кромѣ дождя.

И какъ я тебѣ расскажу про тропическій садъ,
Про стройныя пальмы, про запахъ немислимыхъ
травъ...

Ты плачешь? Послушай... далеко, на озерѣ Чадъ
Изысканный бродить жирафъ.

II

Барабанный бой племени Бургу.

Видишь, мчатся обезьяны
Съ дикимъ крикомъ на лѣаны,
Что свисаютъ низко, низко,
Слышишь шорохъ многихъ ногъ,
Это значитъ близко, близко,
Отъ твоей лѣсной поляны
Разъяренный носорогъ.

Видишь общее смятенье,
Слышишь топотъ, нѣтъ сомнѣнья,
Если даже буйволъ сонный
Отстучаетъ глубже въ грязь,
Но, въ нездѣшнее влюбленный,
Не ищи себѣ спасенья
Убѣгая и таясь.

Встрѣть спокойно носорога,
Какъ чудовищнаго бога,
Посреди лѣснаго храма
Не склони къ землѣ лица,
Если страсть твоя упряма,
Не закрадется тревога
Въ душу смѣлаго жреца.

Подними высоко руки
Съ вѣсней счастья и разлуки,
Взоры въ розовыхъ туманахъ
Мысль далеко уведутъ...
... И изъ странъ обѣтованныхъ
Намъ незримыя фелуки
За тобою приплывутъ.

III

* * *

На таинственномъ озерѣ Чадъ
Повисаютъ какъ змѣи ліаны,
Разъяренные звѣри рычатъ
И блуждаютъ сѣдые туманы.

По лѣсистымъ его берегамъ
И въ горахъ, у зеленыхъ подножій,
Поклоняются страннымъ богамъ
Дѣвы - жрицы съ ебеновой кожей.

* * *

Я была жѣна могучаго вождя,
Дочь любимая властительнаго Чада,
Я одна во время зимняго дождя
Совершала тайны древняго обряда.

Взоръ мой былъ безстрашенъ, какъ стрѣла
Груди трепетныя звали къ наслажденью,
Я была цѣжна и не могла
Не отдаться заревому искушенью.

*

Бѣлыѣ воицѣ былѣ такѣ строенѣ,
Губы красны, взорѣ спокоенѣ,
Онѣ былѣ истиннымѣ вождемѣ;
И открылась въ сердцѣ дверца,
А когда намѣ шепчетѣ сердце
Мы не боремѣся, не ждемѣ.

Онѣ сказалѣ что я красива,
И красу мою стыдливо
Я дала его губамѣ,
И безумной, знойной ночью
Мы увидѣли воочью
Счастье данное богамѣ.

* * *

Мужь мой гналѣся съ вѣрнымѣ лукомѣ,
Пробѣгалѣ лѣсныя чащи,
Перепрыгивалѣ овраги,
Илзлѣ по сумрачнымѣ озерамѣ

И досталѣся смертнымѣ мукамѣ...
Видѣлѣ только день палищій
Трупѣ свирѣнаго бродяги,
Трупѣ покрытаго позоромѣ.

* * *

А на быстромѣ и сильномѣ верблюдѣ,
Утопая въ ласкающей грудѣ
Шкурѣ звѣриныхѣ и тканей восточныхѣ,
Я, какѣ птица, неслася на сѣверѣ,
Я, играя, ломала мой вѣтерѣ,
Ожидая восторговѣ полночныхѣ.

Я раздвинула гибкія складки
У моей разноцвѣтной палатки...
И смѣясь наклонялась въ оконце...

Я смотрѣла, какъ прыгаетъ солнце
Въ голубыхъ глазахъ европейца.

* * *

А теперь, какъ мертвая смоковница,
У которой листья облетѣли,
Я, ненужно-скучная любовница,
Точно вещь я брошена въ Марселѣ.

Чтобъ питаться жалкими отбросами,
Чтобы жить, вечернею порою,
Я пляшу предъ пьяными матросами,
И они, смѣясь, владѣютъ мною.

Робкій умъ мой обезсиленъ бѣдами,
Взоръ мой съ каждымъ часомъ угасаетъ...
Умереть? Но тамъ, въ поляхъ невѣдомыхъ,
Тамъ мой мужъ, онъ ждетъ и не прощася.

Слѣдомъ за Синдбадомъ-Мореходомъ
Въ чуждыхъ странахъ я собиралъ червонцы
И блуждалъ по незнакомымъ водамъ,
Гдѣ дробясь пылали блики солнца.

Сколько разъ я думалъ о Синдбадѣ
И въ душѣ лелеялъ мысли тѣ же,
Было сладко грезить о Багдадѣ,
Проходя у чуждыхъ побережій.

Но орель, чьи перья — красный пламень,
Что носилъ богатаго Синдбада,
Поднялъ и швырнулъ меня на камень,
Гдѣ морская вѣяла прохлада.

Пусть халатъ мой залить свѣжей кровью,
Въ сердцѣ гибель загорѣлась снами,
Я-какъ мальчикъ, схваченный любовью,
Къ дѣвушкѣ, окутанной шелками.

Тишина надъ дальнимъ кругозоромъ,
Въ мысляхъ праздникъ свѣтлаго безсмерья
И орелъ, моимъ смущенный взоромъ,
Отлетая, распускаетъ крылья.

Надъ пучиной въ полуденный часъ
Пляшутъ искры и солнце лучится
И рыдаетъ молчаніемъ глазъ
Далеко залетѣвшая птица.

Заманила зеленая сѣть
И окутала взоры туманомъ,
Ей осталось летѣть и летѣть
До конца-надъ нѣмымъ океаномъ.

Прихотливые вихри влекутъ,
Безполезны мольбы и усилія
И на землю ее не вернуть
Утомленныя бѣлыя крылья.

И когда заглянулъ я въ твой взоръ,
Гдѣ печальныя скрылись зарницы,
Я увидѣлъ въ немъ тотъ же позоръ,
Тотъ же ужасъ измученной птицы.

Мнѣ снилось: мы умерли оба,
Лежимъ съ успокоеннымъ взглядомъ,
Два бѣлые, бѣлые гроба
Поставлены рядомъ.

Когда мы сказали „довольно“?
Давно ли и что это значитъ?
Но странно, что сердцу не больно,
Что сердце не плачетъ.

Безсильныя чувства такъ странны,
Застывшія мысли такъ ясны,
И губы твои не желанны,
Хоть вѣчно прекрасны.

Свершилось: мы умерли оба,
Лежимъ съ успокоеннымъ взглядомъ,
Два бѣлые, бѣлые гроба
Поставлены рядомъ.

На рукѣ моей перчатка,
И ее я не сниму,
Подъ перчаткою загадка,
О которой вспомнить сладко,
И которая уводитъ мысль во тьму.

На рукѣ прикосновенье
Тонкихъ пальцевъ милыхъ рукъ,
И какъ слухъ мой помнить пѣнье,
Такъ хранить ихъ впечатленье
Эластичная перчатка, вѣрный другъ.

Есть у каждаго загадка,
Уводящая во тьму,
У меня — моя перчатка
И о ней мнѣ вспомнить сладко
И ее до новой встрѣчи не сниму.

Насъ было пять... мы были капитаны,
Водители безумныхъ кораблей,
И мы переплывали океаны,
Позоръ для Бога, ужасъ для людей.

Далекія загадочныя страны
Насъ не пѣняли чарою своей,
Намъ нравились зіяющія раны,
И зарева, и жалкій трескъ снастей.

Нашъ взоръ являлъ туманное ненастье,
Что можно видѣть, но понять нельзя,
И послѣ смерти наши привидѣнья

Поднялись, какъ подводныя каменья,
Какъ прежде черной гибелью грозя
Искателямъ невѣдомаго счастья.

Японской артисткѣ Сада-Якко

которую я видѣлъ въ Парижѣ.

* * *

Мы не вѣдаемъ распрей народовъ, повелительныхъ
ссоръ государей,
Я родился слагателемъ сказокъ, Вы — плясуньей,
пѣвицей, актрисой
И въ блистательномъ громѣ оркестра, въ
электрическомъ свѣтломъ пожарѣ
Я любилъ Вашъ задумчивый островъ, какъ онъ
явленъ былъ темной кулиссой.

И пока Вы плясали и пѣли, поднимали кокетливо
вѣеръ,
Съ каждымъ мигомъ во мнѣ укрѣплялась золотая
веселая вѣра,
Что созвучна мечта моя съ Вашей, что Вамъ также
пѣвнители сѣверъ,
Что Вамъ нравятся яркіе взоры въ напряженныхъ
глубинахъ партера

* * *

Въ полутемномъ строгомъ залѣ
Пѣли скрипки, Вы плясали.
Группы бабочекъ и лилій
На шелку зеленоватомъ
Какъ живыя говорили
Съ электрическимъ закатомъ,
И ложилась тѣнь акацій
На полотна декораций.

Вы казались бонбоньеркой
На изящной этажеркѣ
И, какъ бѣленькія кошки,
Какъ играющія дѣти,
Ваши маленькія ножки
Трепетали на паркетѣ,
И жуками золотыми
Намъ сіяло Ваше имя.

И когда Вы говорили
Мы далекое любили,
Вы бросали въ насъ цвѣтами
Незнакомаго искусства,
Непонятными словами
Опьяняя наши чувства.
И мы вѣрили, что солнце
—Только вымыселъ японца.

Одиноко-незрячее солнце смотрѣло на страны,
Гдѣ безумье и ужасъ отъ вѣка застыли на всагъ,
Гдѣ горавъ отдаленъи казалось взъерошеннымъ
 псомъ,
Гдѣ влечущей черною мѣдью дышали вулканы.

Были сумерки міра.

Но на небѣ внезапно качнулась широкая тѣнь
И кометы, что мчались, какъ волки свирѣпы и
 грубы,
И шибились другъ съ другомъ, оскаливъ
 желѣзные зубы,
Закружились, встревоженнымъ воемъ
 привѣтствуя день.

Былъ испугъ ожиданья.

И въ терновомъ вѣнкѣ, подъ которымъ
 сочилася кровь,
Вышла тонкая дѣвушка, нѣжная въ синемъ
 сіяньи
И серебряннымъ плугомъ упорную взрѣзала
 новъ,
Сочетанья планетъ ей назначили имя: Страданье.

Это было спасенье.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Юный магъ	7
* Надъ тростникомъ	9
Что ты видишь	11
* Тамъ, гдѣ похороненъ	13
* Мой старый другъ	15
* За покинутымъ жилищемъ	16
* Императоръ Каракалла, I	17
" " II	18
" " III	21
Ахиллъ и Одиссей	23
Любовникамъ	25
* Помпей у пиратовъ	27
* Улыбнулась и вздохнула	29
Влюбленная въ Дьявола	31
× Смерти	33
× Измѣна	34
» Подъ землею есть	36
Я долго шель	38
Царина или ребенокъ	40
Въ темныхъ покрывалахъ	41
Приближается къ Каиру	43
» Сады моей души	45
Озеро Чадъ I	47
" " II	49
" " III	51
* Слѣдохъ за Сидбаломъ	54
× Надъ пучиной	56
» Мнѣ снилось	57
На рукѣ моей	58
» Насъ было пять	59
Сада-Якко	60
Одиноко-неярчее солнце	62

Стихотворенія, отмѣченные * были напечатаны въ разное время въ „Вѣсахъ“, „Перевалѣ“, „Равнемъ Утрѣ“, „Руси“, „Словѣ“ и пр.

~~LHB 11748~~

LHB MKIV-16253

imprimerie Denig.
26, rue des Francs-Bourgeois,
Paris.

**Imprimerie Denzig,
26, rue des Stence-Bourgeole
Paris.**